

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Марк Твен

Рассказ собаки

ГЛАВА I

Отец мой – сенбернар, мать – колли, а я пресвитерианка. Так, во всяком случае, объяснила мне мать, сама я в этих тонкостях не разбираюсь. Для меня это только красивые длинные слова, лишённые смысла. Моя мать питала пристрастие к таким словам. Она любила произносить их и наслаждалась тем, как поражены и преисполнены зависти бывали другие собаки, как они недоумевали, откуда у нее такая образованность. На самом деле все это было показное, никакого настоящего образования у нее не было. Она подхватывала ученые словечки в столовой и гостиной, когда в доме бывали гости, или в воскресной школе, куда ей доводилось сопровождать хозяйских детей. И всякий раз, услышав новое длинное слово, она без конца твердила его про себя, стараясь удержать в памяти до очередного ученого собрания собак нашей округи. Там она, бывало, бросит свое словцо, и, конечно, все, начиная от сосунка, который в кармане поместится, до громадного бульдога, сокрушены и озадачены. Успех вознаграждал ее за все усилия. Если среди нас оказывался посторонний, он непременно проявлял недоверчивость. Едва опомнившись от первого изумления, он тут же спрашивал, что значит это слово. И моя мать отвечала, ни на секунду не задумываясь. Вопросивший никак не ожидал этого, он был уверен, что тут-то она и попадетсЯ, но посрамленным оказывался он сам. Остальные только того и ждали. Им было заранее известно, как все произойдет, у них был опыт по этой части. И все так восхищались, так гордились ее ответом, что никому и в голову не приходило усомниться в его правильности. Это вполне понятно. Во-первых, она отвечала быстро и без запинки, будто говорящий словарь; а во-вторых, откуда, спрашивается, было им знать, надувает она их или говорит правду? Ведь она была среди них единственной эрудированной собакой. Однажды, когда я уже несколько подросла, моя мать притащила откуда-то новое слово – «неинтеллектуальный» – и щеголяла им на наших советах и собраниях, повергая тем всех собак в тоску и уныние. И вот тогда-то я заметила, что на протяжении недели ее восемь раз спросили о значении слова «неинтеллектуальный», и каждый раз она давала новое определение. Это убедило меня в том, что мать моя обладает скорее находчивостью, нежели эрудицией, но я, разумеется, о том промолчала.

У нее было всегда наготове одно словцо, которое выручало ее в критический момент. Оно служило ей как бы спасательным кругом в минуту бедствия: за него можно было ухватиться, когда волна вдруг смывала за борт. Слово это было – «синоним». Иной раз она возьмет и снова притащит длинное слово, которым производила эффект уже несколько недель назад и выдуманные определения которого давно попали на свалку, и этим словом в первый момент буквально огорошит чужака, если таковой среди нас присутствовал. Пока он опомнится, она уже успеет про все забыть и повернет на другой галс. Поэтому, когда он вдруг неожиданно окликнет ее и призовет к ответу, она на мгновение подожмет хвост – парус повиснет (я это видела – я была единственной, кто разгадал ее игру), – но лишь на одно мгновение, и вот парус снова поднят, и ветер вновь раздувает его. Спокойная и безмятежная, как летний день, она отвечает: «Это синоним трансцендентальности», – или

изречет другое, столь же богомерзкое, длинное, как змея, слово. Потом мирно отойдет и свернет опять на новый галс – абсолютно, понимаете ли, невозмутимо. А тот, кто задал вопрос, остался в дураках и весьма сконфужен. Остальные собаки, знавшие наперед, как обернется дело, в унисон стучат хвостами по земле, и физиономии у всех так и светятся неземным блаженством.

И не только слова – она, случалось, и целую фразу притащит, была бы только достаточно громкая фраза, и блеснет ею по меньшей мере на шести вечерах и двух утренниках. И, конечно, всякий раз истолкует по-разному. Ведь мою мать привлекала лишь звучность сказанного, смысл ее не интересовал. К тому же она отлично знала, что никто ее не разоблачит, ни у одной собаки не хватило бы на то соображения. Да, моя мать была личность замечательная. Она до того осмелела, что решительно ничего не боялась, так она была уверена в невежестве остальных. Она даже бралась передавать нам анекдоты, которые рассказывались за обеденным столом и вызывали столько веселья и смеха у гостей и хозяев. Но, как правило, соль одного анекдота она пересыпала в другой, отчего, конечно, не получалось ни складу, ни ладу. Досказав анекдот, моя мать принималась кататься по земле, хохотала и лаяла как безумная, но я-то видела, что она и сама удивлена, почему анекдот перестал казаться ей забавным. Но все равно – ее слушатели тоже катались по земле и лаяли, втайне стыдясь того, что решительно ничего не понимают. Они и не подозревали, что вина не их: просто в анекдоте не было ни малейшего смысла.

Все эти факты, как видите, показывают, что моя мать была довольно тщеславна и легкомысленна, а между тем она обладала добродетелями, которые, я полагаю, с лихвой покрывали ее недостатки. У нее было доброе сердце, мягкий нрав; она не затаивала обид, но тотчас изгоняла их из мыслей и забывала. Свой добрый нрав она передала нам, своим детям. От нее мы научились быть отважными и решительными в минуту опасности. Это она говорила нам, что надо не о своем спасении заботиться, но идти навстречу беде, грозящей другу или недругу – кому бы то ни было, – и бросаться на помощь, не задумываясь над возможными для нас последствиями. И учила она нас не только словом, но и личным примером, а это наилучший и наивернейший метод, – уж это запоминается надолго. Ах, какие прекрасные поступки она совершала, какие подвиги! Настоящий мужественный воин. И вела себя при этом так скромно. Нет, ею нельзя было не восхищаться, нельзя было не стараться подражать ей. В ее обществе даже комнатный спаниель старался бы вести себя немного более пристойно. Так что, видите, моя мать отличалась не одной только образованностью.

ГЛАВА II

Когда я наконец стала вполне взрослой, меня продали, и с тех пор я уже больше никогда не видела своей матери. Сердце ее разрывалось от горя, и мое тоже, когда мы расставались, и обе мы плакали. Но она утешала меня как могла. Она говорила, что мы родились на свет ради мудрой и благой цели, и каждый из нас должен выполнять свой долг безропотно, что надо принимать жизнь такой, как она есть, жить для блага ближних и не задумываться над тем, что ждет впереди, – это не нашего ума дело. Люди, поступающие таким образом, получают великую награду в ином, лучшем мире. И хотя для всех других существ, кроме человека, доступ туда закрыт, но если и мы будем вести себя честно и праведно, не ожидая за то вознаграждения, это придаст нашей кратковременной земной жизни смысл и достоинство, что уже само по себе является наградой. Все эти рассуждения ей приходилось слышать время от времени в воскресной школе, куда она провожала детей. Эти слова моя мать заучила тщательнее, чем ученые словечки и фразы, подслушанные в гостиной. Она много раздумывала над ними ради собственного и ради нашего блага. Уже одно это показывает, что голова у нее была мудрая и полна мыслей, несмотря на изрядную долю ветрености и тщеславия.

Итак, в последний раз мы сказали друг другу «прости», в последний раз сквозь слезы

поглядели друг на друга, и прощальные ее слова – она, я думаю, нарочно оставила их напоследок, чтобы я лучше их запомнила, – были такие:

– В момент опасности, которая грозит другому, не думай о себе, но вспомни свою мать и в память о ней поступи так, как поступила бы она.

Вы думаете, я могла забыть эти слова? Нет!

ГЛАВА III

Каким же чудесным оказалось мое житье у новых хозяев! Большой прекрасный дом, богатая обстановка, множество картин, изящных украшений, и ни одного темного угла – всюду сверкание зажженных солнцем красок тончайших оттенков. Какие просторы вокруг дома, какой огромный сад – зеленые лужайки, великолепные деревья и масса цветов! И я была настоящим членом семьи. Меня любили, меня ласкали и продолжали звать прежним моим именем. Оно мне было дорого, мое старое имя – Эйлин Мейворнин, – ведь мне дала его мать. Она услышала его в какой-то песне. Мои новые хозяева знали песню и считали, что имя это очень красиво.

Моей госпоже, миссис Грэй, было тридцать лет, и до чего же она была прелестна и очаровательна, вы просто представить себе не можете. А маленькой Сэди исполнилось десять, – вылитая мать, такая же милочка. Сэди носила короткие платьица, и на спине у нее висели два каштановых хвостика. А малютке был всего год – пухленький, весь в ямочках, и так любил меня! Готов был без конца таскать за хвост и тискать и так и заливался при этом своим невинным смехом. Мистеру Грэю было тридцать восемь лет. Рослый, стройный, красивый, начавший немного лысеть со лба; движения быстрые, решительные, энергичные, и ни малейшей сентиментальности. Его четко очерченное лицо, казалось, излучало холодный свет высокого интеллекта. Мистер Грэй был, как его называли, ученым-экспериментатором. Я не знаю, что значит слово «экспериментатор». Вот моя мать, та тотчас пустила бы его в ход и произвела бы тем соответствующее впечатление. Сумела бы сбить им спесь с любого терьера, а уж о комнатной собачонке и говорить нечего. Впрочем, есть слова и получше, чем «экспериментатор». Самое великолепное из них – «лаборатория». Да, моя мать вызвала бы настоящую сенсацию, она бы всех просто уничтожила этим словом.

Лаборатория – это не книга, не картина и не то место, где моют руки, о котором нам рассказывала собака ректора колледжа, – нет, то называется как-то иначе. Лаборатория – это совсем другое. Она заставлена банками, склянками, бутылками, электрическими приборами, повсюду в ней провода и непонятные инструменты. Каждую неделю сюда являлись ученые, усаживались возле приборов, что-то обсуждали и делали какие-то «эксперименты» и «открытия». Я сюда тоже часто заходила: стояла и слушала, силясь понять, о чем идет речь. Я поступала так в память о моей дорогой матери, хотя мне больно было думать, сколько она теряет, не присутствуя здесь, а я при этом ничего не приобретаю. Потому что, как я ни старалась, я так ничего и не поняла из того, что происходило в лаборатории.

Иногда я заходила в рабочую комнату миссис Грэй и спала там на полу, а миссис Грэй опускала на меня свои ножки, я как бы служила ей скамейкой. Госпожа знала, что мне это приятно, – ведь это было лаской. Иногда я проводила часок в детской, тут меня порядком тормошили, и я была счастлива. Если няньке нужно было отлучиться по делу, я сторожила колыбель. А иной раз мы вместе с маленькой Сэди бегали вокруг дома до тех пор, пока вовсе не выбьемся из сил, и тогда я ложилась на траву под дерево и дремала в его тени, а Сэди читала книгу. А то я отправлялась с визитом к кому-нибудь из соседей. Неподалеку от нас проживали очень милые, благовоспитанные собаки. Особенно хорош, красив и любезен был один курчавый ирландский сеттер. Его звали Робин Эдэйр, и он был, как и я, пресвитерианин: он принадлежал шотландскому священнику.

Слуги в доме обращались со мной хорошо, все меня любили, и потому, как видите, жилось мне отлично. На свете не могло быть собаки более счастливой и более благодарной судьбе, чем я. О себе скажу – и это сушая правда, – что я изо всех сил старалась вести себя

достойно. Я чтילה память матери, я помнила ее наставления и пыталась заслужить то счастье, которое выпало мне на долю.

Вскоре на свет появился мой щенок, и тут чаша моего блаженства наполнилась до краев. Мой сын был прелестным существом – гладкий и мягкий, как бархат, он так потешно ковылял на своих обворожительных неуклюжих лапках. У него были такие нежные глазенки, такая славная мордочка. Я так гордилась им, когда видела, как обожают его моя госпожа и ее дети, как они ласкают его, как громко восхищаются каждым милым его движением. Нет, жизнь была чудесна, восхитительна...

Но вот пришла зима. Однажды я стерегла в детской малютку, то есть лежала на кровати подле колыбели, в которой он спал. Колыбель стояла неподалеку от камина. Над ней спускался длинный полог из прозрачной ткани, через которую все видно. Нянька вышла из детской, мы с малюткой остались вдвоем и мирно спали. От горящего полена отскочила искра и попала на край полога. Должно быть, некоторое время все было тихо, но вдруг меня разбудил крик ребенка, и я увидела, что весь полог в огне, пламя взвивается до самого потолка. В ужасе, не успев сообразить, что делаю, я спрыгнула с кровати и через секунду была почти у самой двери. Но уже в следующую секунду в ушах моих прозвучали прощальные слова матери, и я тут же снова прыгнула на кровать. Просунув голову сквозь пламя, я стала тащить малютку, ухватившись зубами за поясok рубашечки, и продолжала тянуть, пока мы оба не упали на пол, окутанные облаками густого дыма. Тут я снова схватила крохотное кричащее существо, выбралась вместе с ним за дверь, в коридор, и изо всех сил продолжала тащить дальше, очень взволнованная, но счастливая и гордая своим поступком, как вдруг раздался голос хозяина:

– Что ты делаешь, проклятое животное!

Я отскочила и пыталась убежать, но он выказал удивительное проворство, настиг меня и принялся колотить тростью. В ужасе я металась из стороны в сторону, пытаюсь увернуться. Но вот сильный удар обрушился на мою левую переднюю ногу, я завизжала, упала – и не могла снова подняться на ноги. Хозяин занес было трость для нового удара, но так и не успел ее опустить, потому что в это самое мгновение по всему дому разнесся дикий вопль няньки:

– Детская горит!

Хозяин бросился туда, и таким образом остальным моим костям суждено было уцелеть.

Нога болела ужасно, но времени терять было нельзя, хозяин мог вернуться в любую минуту. Кое-как я допрыгала на трех ногах до конца коридора к узкой темной лестнице, которая вела на чердак, где, как я слышала, валялись старые ящики и прочий ненужный хлам и куда люди ходили редко. Еле-еле поднялась я по лестнице и, пробравшись в темноте среди всякого хлама, забила в самый дальний угол чердака. Здесь уж бояться было глупо, но я все еще дрожала от страха. Я была так напугана, что сдерживала себя и почти не скулила, хотя мне очень хотелось поскулить – ведь это, знаете, помогает, когда что-нибудь болит. Но полизать ногу было можно, и мне как будто стало легче.

Целые полчаса в доме продолжалась суматоха, слышались крики, шум, топот ног. Потом все стихло. Тишина длилась несколько минут, и она была мне отрадна. Страхи мои почти улеглись, а ведь страх хуже боли – гораздо хуже. И вдруг послышался громкий голос, от которого я так и замерла. Меня звали, кликали по имени, меня разыскивали!

Голос шел снизу, расстояние приглушало его, но это не умаляло моего ужаса. В жизни своей не слышала я ничего страшнее этого голоса. Он разносился по всему дому. Он был как будто сразу повсюду – в передней, в коридоре, во всех комнатах дома, в подвале; потом слышался снаружи дома, и уходил куда-то все дальше и дальше... но вот он снова приближался и вновь гремел по всему дому. Казалось, он никогда не умолкнет. Наконец он стих, но не раньше чем смутный полумрак на чердаке сменился полной тьмой.

В наступившей благословенной тишине страхи мои мало-помалу улетучились, я успокоилась и заснула. Спала я крепко, но проснулась рано, еще до того, как на чердаке снова посветлело. Я чувствовала себя довольно хорошо, боль в ноге утихла, и я уже начала подумывать о том, как мне действовать дальше. Я придумала отличный план. Надо ползком

выбраться с чердака, потом вниз по черной лестнице и спрятаться за дверью, ведущей в подвал. Когда на рассвете придет поставщик льда и начнет наполнять ледник, я выскользну на улицу и убегу. На день где-нибудь спрячусь, а ночью отправлюсь в путь. Куда? Куда угодно; туда, где меня никто не знает и не выдаст хозяину. Я даже почти повеселела, но вдруг вспомнила: а мой щенок? Разве смогу я жить без моего щенка?

Меня охватило отчаяние. Нет, выхода не было, я это видела ясно. Надо оставаться здесь и ждать, и принять все, что уготовано судьбой. Что тут поделаешь – такова жизнь, как говорила моя мать. Но тут... Да, тут меня снова начали звать, и все мои тревоги вернулись ко мне. Хозяин никогда меня не простит, сказала я себе. Я не могла понять, что я сделала дурного, чем вызвала его гнев и немилость, – очевидно, это было что-то такое, что человеку понятно и что он считает большим проступком, но чего собаке никогда не уразуметь.

Меня все звали и звали. Мне казалось, это длилось уже несколько дней и ночей подряд. Меня терзали голод и жажда, я чувствовала, что очень ослабела. Когда испытываешь большую слабость, всегда много спишь, и я почти все время спала. Однажды я проснулась в страхе: мне почудилось, что голос, звавший меня, где-то совсем рядом на чердаке. Так оно в действительности и оказалось. Это звала меня Сэди. Она звала и плакала. Бедняжка, от слез она едва выговаривала мое имя, и я ушам своим не поверила от радости, когда услышала, что говорит Сэди:

– Вернись к нам, вернись к нам! Прости нас... Без тебя так грустно!

Я рванулась к ней, громко взвизгнув от избытка радости и признательности. В следующее мгновение Сэди, спотыкаясь, пробиравась в темноте чердака и кричала на весь дом:

– Она нашлась! Нашлась!..

Какие дни последовали затем, какие чудесные дни! Сама госпожа, и Сэди, и слуги – да они все просто души во мне не чаяли. Они только и думали, как бы сделать мне помягче постель, а уж кормили-то меня! Считалось, что для меня годится только дичь и всякие деликатесы, которые трудно достать в зимнее время. И каждый день в дом заходили друзья и соседи – послушать рассказы о моем героизме, как они называли то, что я сделала. («Героизм» – это значит «агрикультура», как, помню, объясняла моя мать на одном из наших собраний. Впрочем, она не растолковала, что же значит «агрикультура», только сказала, что это «синоним каузальности».) По десять раз на дню миссис Грэй и Сэди повторяли каждому новому гостю историю с пожаром – как я рисковала жизнью, спасая малютку; и в доказательство того, что все это правда, показывали, какие у нас обоих на теле ожоги. Гости по очереди подзывали меня, ласкали, удивлялись и ахали. И вы бы видели, какая гордость сияла в глазах Сэди и ее матери. А если кто-нибудь вдруг спрашивал, почему я хромаю, обе смущались и меняли тему разговора. Если же гость настаивал с расспросами, они, казалось мне, готовы были заплакать.

Этим моя слава не ограничилась. К хозяину пришли человек двадцать самых образованных и знаменитых ученых. Он зазвал их в лабораторию, и там они обсуждали случай во время пожара, вели обо мне серьезные споры, словно я была каким-то научным открытием. Некоторые говорили, что это поразительно, чтоб такой поступок могла совершить бессловесная тварь, что они не знают более блестящего примера проявления инстинкта. Но хозяин возражал им решительно и твердо:

– Это больше, чем инстинкт, – это разум. И многие, кто носит звание человека, получившего высокую привилегию на право входа в царство небесное, обладают меньшим разумом, чем это бедное глупое четвероногое, лишенное надежды на вечное спасение. – А потом он рассмеялся и добавил: – Нет, вы только полюбуйте на меня! Право, это совершенный парадокс. Нет, ей-богу, несмотря на весь мой великолепный интеллект, единственное, что пришло мне тогда в голову, это что собака взбесилась и сейчас растерзает ребенка, в то время как если бы не разум этого животного – я утверждаю, что это разум, – ребенок погиб бы!

Они спорили и спорили, а я – да, я! – была темой и центром этих споров. Если б моя

мать знала, какая великая честь выпала на мою долю! Как бы она гордилась мною!

А потом ученые переменили тему, заговорили об оптике, как они это называли, и снова заспорили: если определенным образом поразить мозг, вызовет это слепоту или нет? Но они никак не могли прийти к соглашению и все повторяли, что это можно доказать только экспериментальным путем. Затем разговор перешел на тему о растениях, и тут я оживилась. Летом мы с маленькой Сэди посадили семена – я помогала копать ямки, – и несколько дней спустя из каждой ямки вырос где цветок, где кустик. Как это могло произойти, ума не приложу, это просто чудо. Я пожалела, что лишена дара речи, не то я показала бы этим ученым, что тут и я кое-что смыслю. Но оптика меня не интересовала – это было мне непонятно. Когда они снова вернулись к этой теме, мне стало скучно, и я заснула.

Вскоре наступила весна, и стало так привольно, солнечно, радостно! Милая моя госпожа и ее дети отправились погостить к родственникам, на прощанье погладив меня и моего щенка. Мы с ним остались одни – хозяин нам был не компания, – но нам с моим щенком и вдвоем было весело; и слуги обходились с нами ласково, дружелюбно. Так что жили мы неплохо и поджидали возвращения миссис Грэй с детьми.

Но вот однажды в доме снова собрались ученые, – на этот раз, чтобы проделать опыт, как они сказали. Они взяли моего щенка и унесли в лабораторию. Я проковыляла за ними на своих трех ногах. Я испытывала гордость: мне, конечно, было очень лестно, что моему щенку оказывают внимание. Ученые все о чем-то спорили, все делали какие-то опыты, и вдруг мой щенок пронзительно завизжал, и они поставили его на пол. Он шагнул, спотыкаясь; вся его голова была залита кровью. Хозяин захлопал в ладоши и воскликнул:

– Ну что, убедились? Я был прав! Нет, ей-богу, вы только посмотрите: конечно же, он совершенно слеп!

И все остальные сказали:

– Да, да, опыт подтвердил вашу теорию. Отныне страждущее человечество в превеликом долгу перед вами.

И все окружили хозяина, с чувством жали ему руку, благодарили и восхваляли его.

Но все это я видела и слышала лишь очень смутно. Я подбежала к моему дорогому малышу, прильнула к нему и стала слизывать с него кровь, а он прижался ко мне головкой и тихо скулил. Сердцем я понимала, что хотя он не видит, но чувствует меня, и ему не так страшно и не так больно, потому что рядом мать. А потом он упал, его бархатный носишко ткнулся в пол – да так мой щенок и остался лежать, больше он уже и не шелохнулся.

Тут мистер Грэй прервал разговор, вызвал лакея и приказал:

– Закопайте его где-нибудь в дальнем углу сада.

И снова вернулся к беседе. А я, хромя, побежала вслед за лакеем. Я была очень довольна и благодарна, – я видела, что моему щенку уже не больно, потому что он заснул.

Мы дошли до самого конца сада, туда, где летом все мы – дети, нянька и я со своим щенком – играли в тени высокого вяза; и там лакей выкопал ямку. Я видела, что он собирается положить в нее моего щенка, и радовалась: значит, мой сын вырастет и станет таким же красивым псом, как Робин Эдэйр, и это будет чудесным сюрпризом для миссис Грэй, Сэди и малютки, когда они вернутся домой. Поэтому я старалась помочь лакею рыть ямку, но моя перебитая нога плохо действовала. Она, понимаете, не сгибалась, – а чтобы копать, надо работать обеими передними лапами, иначе ничего не получается. Лакей выкопал ямку, положил в нее моего маленького Робина, погладил меня по голове, прослезился и сказал:

– Эх, бедная ты псина... Ты-то спасла его ребенка...

Вот уже две недели, как я не отхожу от ямки, но мой щенок все не показывается. Последние дни меня стал охватывать страх. Мне начинает казаться, что с моим щенком что-то случилось. Я не знаю, что именно, но от страха я совсем больна. Я не могу есть, хотя слуги тащат мне самые лакомые куски и все утешают меня. Они даже ночью иногда приходят, плачут надо мной и приговаривают:

– Несчастный песик... Ну, забудь, успокойся, иди домой, не надрывай ты нам сердце...

Все это только еще больше пугает меня и убеждает в том, что произошло что-то ужасное. Я так ослабела, что со вчерашнего дня уже не держусь на ногах. С полчаса тому назад слуги взглянули на заходящее солнце – оно как раз в этот момент скрывалось и в воздухе потянуло ночной прохладой, – и сказали что-то такое, что я не поняла, но от их слов в сердце мое проник леденящий холод:

– Бедняжки, они ничего не подозревают. Завтра утром вернутся и сразу спросят: «Где же наша собачка, где наша героиня?» И у кого из нас хватит духу сказать им правду: «Ваш преданный четвероногий друг ушел туда, куда уходят все погибающие бессловесные твари!»

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)